

В сумерках двор Обители Бамбукового Тепла замер: полтора десятка человек безмолвно застыли на коленях. Еще полчаса назад — аккурат перед тем, как затеплили первую палочку благовоний — из Зала Омовения Величием прислали служку с вестью о скором прибытии императора. Цин И вместе со слугами поспешил приготовиться к торжественной встрече, однако время шло, обе палочки давно истлели, а правитель Цюй Ли так и не соизволил явиться.

Никто из прислуги не смел пошевелиться, и Цин И оставалось лишь безмолвно терпеть эту пытку. Колени онемели настолько, что он перестал их чувствовать, а поясница окончательно затекла. К тому же тело, доставшееся ему, было на редкость хилым — за последние три дня любое резкое движение вызывало одышку, а от долгого стояния на коленях голова пошла кругом, являя все признаки малокровия.

Слегка сместив вес, Цин И мысленно вздохнул уже в восьмидесятый раз. За всю свою жизнь он никогда так не страдал — и ведь даже пожаловаться некому! В этот миг Синьхайская революция казалась ему величайшим благом, а свержение монархии — самым разумным решением в истории человечества. Что это вообще за Королевство Цюй? В учебниках истории сменяли друг друга великие династии: Тан, Сун, Юань, Мин и Цин, упоминалась даже лоскутная эпоха Троецарствия и Южных и Северных династий, но о государстве под властью рода Цюй он не слышал ни разу!

«Эх... Тело и впрямь на редкость хилое. Может, просто упасть в обморок? По крайней мере, мучения прекратятся...»

Цин И почувствовал, как к горлу подступает тошнота, а силы окончательно покидают его. Он приподнял широкий рукав, чтобы утереть холодный пот со лба, и как раз в тот момент, когда всерьез взвешивал все за и против притворного обморока, у ворот Обители Бамбукового Тепла раздался пронзительный, звенящий крик евнуха:

— Его Величество император прибыл!

Краем глаза Цин И заметил, как мимо него величественной вереницей прошествовало множество людей. Окружавшие его слуги и евнухи дружно пали ниц, оглашая двор пожеланиями десяти тысяч лет жизни государю. Сам Цин И остался безмолвен — у него просто язык не поворачивался выкрикнуть подобное. В исторических дорамах сцены, где толпа бьет поклоны и славит монарха, выглядят обыденно, но очутившись в этой шкуре на самом деле, понимаешь: современному человеку до глубины костей претит эта чудовищная пропасть между господами и рабами.

— Указ императора: подняться!

Цин И попытался встать, но не смог пошевелить онемевшими ногами. Он пошатнулся и едва не завалился набок, но стоявший рядом молодой евнух проявил завидную ловкость: незаметно

придержал его под локоть, не дав случиться непоправимому. Цин И бросил на спасителя благодарный взор, однако тот сделал вид, будто ничего не произошло, и, смиренно опустив голову, поспешно отступил в сторону.

— Повеление Императора! Пригласить лекаря Е!

«Что ж, чему быть, того не миновать».

Цин И медленно выпрямил спину и вошел в главный зал Обители Бамбукового Тепла. Превозмогая тупую боль в суставах, он вновь опустился на колени, невольно поморщившись от резкого удара о каменные плиты.

— Ничтожный простолюдин Е Юань приветствует Ваше Величество.

За последние три дня он успел наглядеться на дворцовые порядки и худо-бедно заучил нужные слова.

— Без лишних церемоний.

— Благодарю, Ваше Величество, — Цин И осторожно поднялся на ноги.

— Три месяца эти бездари из императорской палаты лекарей пытались исцелить Нас, — заговорил император Цюй Ли. — Перевели прорву редчайших и драгоценных снадобий, но Нам становилось лишь хуже, да еще и новые хвори привязались. Кто бы мог подумать, что всего от одного отвара божественного лекаря Е Наше недомогание отступит за три дня? Мы безмерно довольны. Лекарь Е и впрямь заслуживает своего прозвища.

— Благодарю за столь высокую оценку, Ваше Величество.

— За Нами долг не задержится. Чего же ты желаешь в награду, лекарь Е?

Цин И молча созерцал узоры на каменном полу.

— Лекарь Е, Его Величество ждет ответа... — тихо подсказал евнух Юнь Чжоу, который мгновенно уловил заминку.

Но Цин И продолжал хранить молчание, не поднимая головы. По натуре он был человеком непритязательным, легко шел на компромиссы и мирился с обстоятельствами, хоть порой и злился на насмешки судьбы. В сущности, он оставался самым обыкновенным обывателем. И какими бы невероятными ни казались перемены в его жизни, какими бы суровыми ни были испытания, тратить дни на бесплодные жалобы глупо. Нужно четко решить, чего он хочет на самом деле. В этих золотых стенах ему не грозил голод, но перспектива ежедневно лавировать

среди дворцовых интриг и до дрожи в поджилках убажывать капризного владыку, зная, что твоя жизнь висит на волоске, страшила его. Вне дворца он лишится привилегий, возможно, даже пойдет по миру с протянутой рукой, но это будет его выбор. Его собственная судьба.

«В этом и заключается свобода, — подумал он. — Плох ли, хорош ли окажется путь, но если ты прошел его сам, он бесценен».

— Лекарь Е? — вновь подал голос император.

— Ваше Величество, может ли этот ничтожный просить о любой милости, и будет ли она исполнена?

— Разумеется. Мы — правитель великой державы, и Наше слово твердо, как скала. Мы не бросаем слов на ветер.

Цин И подобрал полы халата и вновь опустился на колени — на этот раз искренне, без тени принуждения.

— У этого ничтожного есть лишь одна просьба. Умоляю Ваше Величество снизойти к ней.

— Говори.

— Свобода. Я прошу дозволения покинуть императорский дворец.

Стоило словам сорваться с губ, как на душе у Цин И стало непривычно легко.

— Вот как? Лекарь Е желает покинуть Наш дворец?

— Да! — Цин И поднял прямой, твердый взор на сидевшего перед ним монарха.

— А ведь Мы намеревались назначить тебя главным придворным лекарем...

— Благодарю Ваше Величество за великую милость. Но решение мое твердо.

Император Цюй Ли поднялся с места и сделал несколько неторопливых шагов по залу.

— Что ж, Мы примем решение. Возвращаемся.

Евнух Юнь Чжоу тут же зычно пропел приказ к отбытию. Величественная свита спешно покинула Обитель Бамбукового Тепла, растворившись в вечерней тишине так же быстро, как и

появилась. Цин И остался один, так и не поняв, даровали ему свободу или же оставили томиться в неволе.

Уже поднимаясь в императорские носилки, Цюй Ли негромко бросил шедшему следом Юнь Чжоу:

— Завтра отпусти его. И приставь соглядатаев.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Император обернулся и бросил короткий взгляд на Обитель Бамбукового Тепла.

«Поглядим, какие еще козыри припрятал мой августейший брат...» — подумал он, и в его глазах, отразивших багрянец заката, блеснул холодный огонек.

Рожденные в императорской семье с пеленок постигают искусство власти. Каждый из принцев, даже не отличаясь выдающимся умом, считал своих братьев круглыми дураками. Никто никого не терпел. Стоило им бросить взгляд на сияющий золотом трон, как в их душах крепла уверенность: лишь они достойны занять его. И даже если старый государь объявлял наследника престола, тайная борьба не утихала ни на миг. Трон в итоге доставался тому, у кого хватало ума, коварства и сил удержать его.

Цюй Ли был молод, но его юный возраст не мешал ему обладать поистине змеиной мудростью. В жестокой схватке за трон сошлись несколько наследников, и то, что победителем вышел именно пятый принц, доказывало: его соперники пали не от слабости. После кровавой бани уцелел лишь один — третий принц, ныне известный как ван Чжао, Цюй Луныцзюнь.

Мужчина по природе своей воинственен. Цин И, будучи мужчиной и медиком, прекрасно понимал, как тяжело бороться с зовом первобытных инстинктов и буйством гормонов. В мире мужчин велась борьба лишь за одну вещь — за власть. Женщины и богатство служили лишь средством ее достижения.

Завещание покойного императора недвусмысленно передавало бразды правления пятому сыну, Цюй Ли. И глуп был тот, кто полагал, будто старик пошел на это от безысходности. За долгие годы дворцовых распрей старый правитель повидал немало коварства и все понимал, хотя уже не имел сил усмирить бурю.

Цюй Ли обладал изрядным коварством. Еще при жизни отца он искусно сыграл на зависти второго принца, состряпал интригу с подсылем красавицы и низверг старшего брата, а после — изящно переложил вину на того самого второго принца. Неужели старый император оставался слеп? Ничуть. Старый лис прекрасно видел, чья рука направляет удар, но именно такой беспощадный расчет он и хотел видеть в преемнике. Проведя на троне не один десяток лет, покойный владыка знал: мягкосердечные правители долго не живут, а государством не управишь, если твой разум не способен превзойти коварство тысяч подданных.

Методы Цюй Ли, впрочем, были излишне жестокими. На смертном одре отец крепко сжал его ладонь и вымолвил лишь одно:

— Я всю жизнь провел в одиночестве на этой вершине. Теперь пришел твой черед.

Возможно, именно память о тех словах заставила Цюй Ли пощадить третьего принца, Цюй Луньцзюня.

Ван Чжао, Цюй Луньцзюнь, снискал славу непобедимого воителя. Благородный, доблестный и мудрый полководец пользовался непререкаемым авторитетом в армии. Захоти он забрать престол — народ и войска без колебаний пошли бы за ним, облегчив путь к власти. И все его поступки красноречиво говорили о том, что подобные замыслы у него имеются. Все эти годы они с императором разыгрывали перед двором спектакль сыновнего и братского согласия, однако в тени вели непрерывную, нещадную войну умов.

Вражда между братьями тлела годами, и корнями своими она уходила в историю, неразрывно связанную с Е Юанем. Точнее сказать, именно этот лекарь и послужил искрой для пожара.

Что же за человеком был этот Е Юань?

Цин И, запертый в чужом теле, безуспешно пытался разгадать эту загадку.

На следующее утро его без лишнего шума выдворили за ворота императорского дворца.

Пока он оставался во дворце, он упорно твердил себе, что не желает даром проедать императорский хлеб ради призрачной сытости, ведь свобода дороже всего. Минувшей ночью, так и не дождавшись ответа от государя, он не сомкнул глаз, ворочаясь с боку на бок.

И вот наутро мечта сбылась. Цин И стоял перед величественными дворцовыми воротами, глядя на бурлящую, пеструю толпу, заполнившую столичную улицу. Люди в старинных одеяниях сновали туда-сюда, заставляя его на миг поверить, будто он очутился на съемочной площадке исторического фильма. Но это было наяву. Сердце сжала щемящая растерянность: куда податься теперь? На сотни ли вокруг раскинулся чужой, незнакомый мир, в котором у него не было ни цели, ни пристанища.

Прохожие не обращали на него внимания. На нем был все тот же простой синий халат из грубой ткани. При выходе император пожаловал ему сто лянов серебром, однако старый евнух, вызвавшийся проводить его, без зазрения совести присвоил половину. Из оставшихся пятидесяти лянов еще тридцать ушло на подкуп стражников у многочисленных ворот. В итоге, когда за его спиной с тяжелым стуком захлопнулись дворцовые двери, в кармане у Цин И сиротливо звякнули жалкие пять лянов мелкого серебра.

«Могли бы хоть завтраком накормить напоследок», — с горькой усмешкой подумал он.

Ничего, прорвемся. Неужто дипломированный выпускник медицинского вуза, дитя прогрессивного века, пропадет среди этих дикарей?

— Учитель!

Рядом раздался звонкий, радостный крик. Поначалу Цин И решил, что зовут кого-то другого, но перед ним вырос отрок лет тринадцати-четырнадцати, и стало ясно: этот паренек знает прежнего хозяина тела.

— Ты...

— Учитель! Я прождал у ворот целых три дня! — принялся изливать душу мальчуган, даже не заметив замешательства на лице Цин И. Глаза его подозрительно заблестели от слез. — Идти во дворец было так опасно, от вас ни весточки... Если бы не слухи о том, как умело вы составили рецепт и что государю хорошеет с каждым днем, я бы решил, что мы больше никогда не увидимся!

Цин И хотел было осадить его, но внезапно почувствовал тепло в груди. Он уже приготовился в одиночку сражаться с этим чуждым миром, и появление старого знакомого было как нельзя кстати.

Его плечи расправились, вернулась былая уверенность.

— Пошли, — бросил он и, заложив руки за спину, зашагал по оживленной улице.

— Учитель, куда мы направляемся?

«Куда — я и сам не знаю, но ты-то наверняка в курсе».

— Домой. Возвращаемся!

— Вы и впрямь решили вернуться? — сияя от радости, малец припустил следом.

— Разумеется. Но придется тебе пойти со мной пешком.

— Учитель, вы шутите? Почему бы нам не нанять повозку?

Цин И остановился и с прищуром взглянул на паренька:

— А пяти лянов хватит на экипаж?

Цин И совершенно не разбирался в здешних деньгах. Пять лянов казались ему жалкой пятеркой, отчего он по дороге из дворца всю мысленно ругал императора Цюй Ли за поразительную скупость.

— Более чем! — малец весело хмыкнул и поправил лямку узелка за спиной. — К тому же здесь у меня еще добрая сотня лянов, которую вы оставили мне на хранение перед тем, как войти во дворец. Этих денег с лихвой хватит на дорогу до Пиньяна.

— Вот как... А это далеко?

— Учитель, вы часом не приболели? Неужто забыли дорогу к родному Залу Продления Празднования? От столицы до Пиньяна пути — от силы месяц на повозке.

Месяц тряски?! У Цин И от этой мысли заранее заныли все кости.

— Как вам жилось эти три дня во дворце, учитель?

— Сносно.

— И вы правда твердо решили вернуться в Пиньян? Вас не было целый год, бог знает в каком запустении теперь наш Зал Продления Празднования.

— Зал Продления Празднования?

— Ну да! Ваша лечебница в Пиньяне. О ней же на сотни ли в округе слава идет. Местные жители не зря зовут вас божественным лекарем.

«А этот Е Юань, оказывается, и впрямь был величиной», — подумал Цин И и неопределенно, загадочно улыбнулся.

— Учитель, так как вам жилось эти три дня во дворце?

«Да почему он спрашивает одно и то же?!»

Цин И резко остановился и обернулся к парню, напустив на себя суровость:

— Ты уже задавал этот вопрос.

— Простите... виноват, учитель, — паренек мгновенно съежился, а его жизнерадостная улыбка сменилась испугом. — Я просто подумал... — Он потупился, воровато поглядывая на Цин И из-под ресниц.

— Договаривай, раз начал, — велел тот, стараясь говорить как можно строже.

— Просто... после того как вы вышли из дворца, вы кажетесь совсем другим человеком, — пролепетал Мань Юэ. — Раньше из вас и слова нельзя было вытянуть, а сегодня вы так ласково беседуете со мной. И еще... вы улыбаетесь. Прежде вы всегда были холодны как лед, никого к себе близко не подпускали. А оказывается, улыбка вам очень к лицу.

«Что же ты был за человек такой, Е Юань?»

Цин И вновь зашагал вперед, заложив руки за спину.

— И почему же я раньше не улыбался?

— Так ведь праздные люди поговаривали, будто вы слишком хороши собой, а от вашей улыбки у любого голова кругом пойдет. Вы же у нас гордец, вот и злились на эти глупые сплетни. Я подле вас уже года четыре хожу, а улыбающимся вас почти не видел.

«Красивая женщина — беда, но и красивый мужчина — напасть не меньшая, — рассудил про себя Цин И. — Хотя в глубине души каждый мечтает уродиться красавцем, да и на приятные лица смотреть куда веселее».

— А теперь вы вышли на волю и словно оттаяли, — продолжал Мань Юэ, семена следом и не замечая, что засыпает спутника ворохом слов. — Стали разговорчивым, приветливым, никакой прежней стужи. И еще...

— Что «еще»? — подстегнул его Цин И. Болтовня мальчишки была бесценным источником сведений.

— И еще вы вдруг сами заговорили о возвращении в Пиньян!

— Разве это странно? Там ведь моя лечебница.

— Оно-то так, но...

— Ладно, пустые разговоры. Ступай найми повозку, выезжаем немедленно.

— Правда?! Я мигом! — Мань Юэ радостно подпрыгнул, пробежал пару шагов, но резко замер

и обернулся: — Учитель, вы действительно решили вернуться? И... вам правда больше нет дела до того человека? Вы ведь не шутите, как прежде?

— Не шучу. Ступай живее и возвращайся без промедления.

— Сию минуту!

Цин И с улыбкой покачал головой, глядя, как Мань Юэ, точно испуганный заяц, припустил в гущу толпы.

У обочины торговали свежими паровыми пышками и нежным соевым творогом — доухуа. Почувствовав аппетитный аромат, Цин И ощутил острый приступ голода.

— Хозяин, плесни-ка мне миску доухуа да подай порцию пышек, — окликнул он торговца.

— Сию минуту, почтенный, присаживайтесь!

Мука в эту пору, конечно, не чета современной — сероватая, грубого помола, да и кулинарными изысками здешние повара не баловали. Однако здешние пышки делались на совесть: честное тесто на натуральной закваске, вымешанное вручную. Пусть на вид они казались неказистыми, зато на вкус были на удивление сытными и сладковатыми — чистая еда без капли химии.

Цин И с аппетитом уплетал угощение. Он успел расправиться со второй пышкой и как раз прихлебывал нежную доухуа, когда перед его столиком выросли двое мужчин в военных полудоспехах. Офицеры сухо поприветствовали его, прижав кулак к ладони, и один из них произнес тоном, в котором мнимая почтительность мешалась со сталью:

— Господин Е, Его Высочество ван просит вас немедленно вернуться в поместье.

Цин И, так и не проглотив ложку творога, нахмурился.

«И с каким еще князем умудрился связаться этот лекарь Е?» — с досадой подумал он.

Его раздражало не только это, но и то, что его бесцеремонно прервали за едой. К тому же офицеры посматривали на него как-то странно, украдкой переглядываясь, словно замыслили недоброе.

Цин И шумно выдохнул сквозь нос и недовольно проворчал:

— Я с утра маковой росинки во рту не держал. Дайте мне хотя бы доесть. Переводить продукты

— тяжкий грех.

Офицеры опешили и растерянно переглянулись.

Цин И же преспокойно уткнулся в свою миску, смакуя доухуа крошечными глотками, точно дорогой чай. Он тянул время в ожидании Мань Юэ — вдвоем противостоять незванным гостям будет куда сподручнее.

Вскоре вдали показался запыхавшийся паренек. Заметив своего учителя, мирно трапезничающего у грязного прилавка под присмотром двух грозных воинов, замерших за его спиной точно грозные духи-хранители дверей, Мань Юэ вытаращил глаза от изумления.

— Мань Юэ, нашел повозку? — крикнул Цин И.

— На... нашел! Нашел, учитель! Но что здесь...

— Ты завтракал? Может, составить мне компанию? Доухуа здесь отменная.

— Учитель, с вами точно все в порядке? — с опаской спросил малец.

— А что не так?

— Да вы же отродясь не притрагивались к уличной еде!

На сей раз осекло самого Цин И.

«Вот же чистоплюй этот Е Юань!»

— И что с того? Неужто мне нельзя отведать простой крестьянской пищи ради разнообразия?

— Да можно, конечно... — пробормотал Мань Юэ, так и не придя в себя. — Просто чудно это все.

— Будешь миску?

— Я...

— Господин Е, соблаговолите поспешить в поместье, дабы мы могли отчитаться перед Его Высочеством, — нетерпеливо вмешался один из военных, заметив, что лекарь намеревается затянуть трапезу.

Цин И смерил наглеца ледяным взглядом:

— А тебе не говорили, что тех, кто мешает приличному человеку завтракать, кони лягают? Эй, хозяин, еще миску доухуа!

Владелец лавки, испуганный присутствием вооруженных людей, растерял всю былую приветливость и поспешно подал вторую порцию через подмастерья.

— Ешь, Мань Юэ, учитель угощает! Пока не остыло.

— Хорошо... — паренек послушно взял ложку, но продолжал во все глаза коситься на невозмутимого «Е Юаня».

<http://bllate.org/book/20580/2119817>